

100-летие со дня рождения И. К. Тобилевича

КЛАССИК УКРАИНСКОГО ТЕАТРА ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ ДРАМАТУРГ

Пустынная, сожженная солнцем степь, вся в сорняках; издали проносятся клубами и опомными парами перекапано. Скрипящая калмыцкая арба, запряженная волами, или валка с рыбой изредка покажутся на дороге. И снова тихо, пустынно вокруг. Не пролетит здесь перелетка, никакая другая птица. Одинокая степная могила. К ней вот уж месяц паломничают ежедневно две человеческие фигуры. После душной степной гостиницы их влечет сюда вольный простор, свежий степной воздух.

...Место действия — станция Константиновка. Иван Карпович Тобилевич был на короткий срок направлен сюда из места своей основной ссылки — Ново-Чаркасска, через который должен был проезжать сам царь: неблагонадежный элемент отсюда удалялся. В Константиновку Иван Карпович поехал с женой.

К тому времени у Тобилевича, более известного современникам под фамилией Карпенко-Карого, была уже слава талантливого украинского актера и начинающего драматурга. В недавнем прошлом он — служащий бобринцевой ратуши и других уездных «прикуренных мост» из которых вынес огромный запас «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет». Впрочем, преобладали последние: из сухих канцелярских бумаг, судебных актов глядела на него живая, неприкрашенная жизнь народа, горьким его слезам, глубоким драмы крепостного труда, унижения «сильных мира сего» и униженных, оскорбленных.

В гродской ратуше Иван Тобилевич сошелся с Марком Лукичем Кропивницким, столоничником уголовной части, делавшим свои первые шаги на актерском и драматургическом поприще. В далеком степном уголке Украины, в маленьком чиновничьем местечке молодежи горячо увлекалась театром. Тобилевич был свидетелем успехов Кропивницкого на любительских вечерах, а потом и на профессиональной сцене. Вскоре и Иван Карпович испытал свои силы на артистическом поприще. Когда же на него начались гонения царских властей за участие в работе епископального ли-

берального просветительно-благотворительного товарищества за опасное вольнодумство, Тобилевич целиком отдался театру.

Существует глубокое сродство между

Тобилевичем-актером и Тобилевичем-драматургом. «Карпенко-Карый, — писал Франко, — не дал себя ни разу обить с дороги серьезного драматического творчества, завоевывал при этом своими лучшими драмами более широкую почву для исторической, социальной и даже политической драмы». Социально-бытовая драма — вот что прославило имя Тобилевича. Он утверждал реализм в украинской драматургии, рисуя широкие, сочные картины жизни второй половины XIX столетия, воспроизводя глубоко социальные процессы своего времени. Тобилевич решительно отказался от мелодраматизма, он пошел по реалистическому пути Котляревского и Кропивницкого.

Он был прекрасным знатоком деревенской и пореформенной деревни, беспощадно обличал «хозяев жизни» типа Терентия Пузыря («Хазяїн»), или Герасима Калитки («Сто тысяч»). Писатель выводил на чистую воду украинских развратных и полуправых, срывал маски

с капиталистических хищников, тонко подмечал их типичные черты. «Ох, земелько, свята земелько — божа ты донечко! Як радісно тебе запрабати докупив, в одні руки... Приобрітав би тебе без ліку», — мечтает Калитка. Подстать ему Пузырь, который плучает своих управляющих разорять хозяйства селян: «Наділи мужицькі на десять літ в оренду взяти. А як мужик зостанеться без землі — роби з ним, що хочеш...» Сила Тобилевича-драматурга — в создании ярких реалистических образов. Он выступает горячим защитником деревенской бедноты, батраков: вспомним хотя бы показ их в том же «Хазяїні».

В своих исторических пьесах, особенно в таком шедевре как «Сава Чалий», писатель проявил ту же реалистическую силу, поэтизируя великое прошлое своего народа, любовно воспевая его героические образы.

На творчество классика украинского театра имела глубокое влияние передовая русская литература. С захватывающим интересом читал он великих революционеров-демократов — Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Герцена. Из воспоминаний Софьи Тобилевич известно, что своего первенца писатель называл в честь Белинского Виссарионом — так горячо было его преклонение перед великим русским критиком.

После смерти Тобилевича в Полтаве был устроен спектакль его памяти. Писав Милый прочел на нем свою поэму «На вечную память Ивану Карповичу Тобилевичу (Карпенко-Карому)». В ней дана яркая оценка творчества писателя. «Кого же видели мы там! И «Наймички» злую долю, и «Бесталанну» с ее горем, страданием, мукой, смехом, шумом и выдумками жизни человеческой — на беду нашу больше злой, чем хорошей, — и те надежды, которыми люди сердце согревают. Все это прошло перед нами живое, яркое, блестящее, как луч солнца из-за туч или блеск звезды из-за гор».

Бор. ПОДОЛЬСКИЙ.

БЛЕСТЯЩИЙ АКТЕР

Работать с Иваном Карповичем Тобилевичем з одним актерским коллективом мне не пришлось. Но мне довелось встречаться с ним и видеть его на сцене.

Корифеи украинского театра объединились в одну труппу с таким пространством названием: «Труппа Кропивницкого под руководством Садовского и Саксаганского, с участием Заньковецкой». Театр Суслана, где я работал, встретился с этой труппой в Москве в марте 1901 года: мы одновременно гастролировали здесь. Первый спектакль, который мне пришлось видеть, остался глубоко в памяти. Это была пьеса «Хазяїн» с такими исключительными исполнителями: Пузыря играл Карпенко-Карый, Фенотена — Саксаганский, Лихтаренко — Садовский, Золотницкого — Кропивницкий. Ансамбль чудесный, но зрителей было немного, и те воспринимали спектакль достаточно сдержанно. Аудитория была, видимо, разочарована тем, что пришла на украинский спектакль, а в нем — ни песен, ни танцев. Строго реалистическая драма Тобилевича явилась новым, неизвестным еще словом для тогдашнего зрителя.

Саксаганский, Садовский, Кропивницкий создали законченные, глубоко убедительные образы. Глазную роль Терен-

тия Пузыря играл автор. В его исполнении поражала необычайная простота, искренность. Казалось, это не театр, а сама жизнь. Но жизнь, преобразованная высоким искусством. Что особенно бросалось в глаза — это манера подавать текст роли. Большие монологи и тирады Иван Карпович произносил легко, просто, четко. Голосом, эмоциональной раскраской роли Тобилевич пользовался очень сдержанно. То же самое можно сказать о движении, жести: и тут чувствовалась большая экономия изобразительных средств.

Когда я ближе познакомился с исполнением Тобилевичем ролей старшины в «Бурлаке», Калитки в «Сто тысяч», Хоми в «Чумаках», то убедился, что исполнение это никак не было преувеличено. Калитка в своей ненасытности, жадности к «земельке», крутой, честный, скупой, в исполнении Ивана Карповича — убедительный, лишенный какого бы то ни было мелодраматизма. Его Калитка — деловой, подчиняющий своей воле и семью и батраков. Он сам вечно суетится и другим не дает покоя, укоряя всех за распушенность и лень. Роль подана чрезвычайно экономно, простыми средствами. От явления к явлению, от действия к действию образ

обрастает новыми и новыми оттенками. Постепенно исчезло актерское «я». Пространственные монологи не опускались скучными, как у иных исполнителей этой роли. Виртуозно владея дикцией, Иван Карпович доносил до зрителя текст роли, которая приобретала все больше красок, словно обростала живым мясом. А в итоге — типичнейший образ деревенского кулака.

Потом мне пришлось побывать в Житомире. Тут я тоже видел несколько спектаклей, в которых участвовал Иван Карпович. В домашней обстановке он был обаятельным человеком. Простота, приятная манера обращения сочетались у него со светлым умом. Вместе с тем, в нем чувствовалась волевая натура. Именно организаторским способностям Ивана Карповича труппа, под руководством Саксаганского, обязана была многими своими успехами.

Заслуги И. К. Тобилевича перед украинской культурой очень велики. Память о нем, благодаря его ярким драматургическим произведениям, будет сохраняться из поколения в поколение.

И. МАРЬЯНЕНКО, Народный артист Союза ССР.